

Устрашающая мадам Таблье, его давняя уборщица, гроза микробов и светских манер, огляделась по сторонам.

— Не хотела бы я перебивать все эти окна, — заключила она, и Ричард вздохнул с облегчением.

Пассажирка на заднем сиденье мотоцикла тоже неловко стянула шлем и тряхнула светлыми волосами. Лионель Марго, самое популярное имя французского кинематографа; правда, в ее лице отражался затаенный, осторожный страх. Хрупкость, почти прозрачная.

Она посмотрела на Ричарда, и в ее глазах стоял ужас.

— Я больше никогда не сяду на мотоцикл! — воскликнула девушка, едва сдерживая слезы. — Кажется, уж лучше жить со сталкером.

— Ишь! — фыркнула мадам Таблье. — Вот тебе и благодарность!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Ричард забрал у Лионель Марго шлем, и она слезла с мотоцикла мадам Таблье. Если план заключался в том, чтобы привезти актрису, не привлекая внимания, то облегчающий кожаный костюм и длинные светлые волосы, что развевались, выбившись из-под шлема, произвели, несомненно, противоположный эффект. Ричард бы не удивился, если бы за ней остался след из дорожно-транспортных происшествий с участием зевак — фермеров и виноделов. А еще бросался в глаза контраст с курткой мадам Таблье, рукава которой были украшены кисточками, а спина — изображением Джонни Холлидея. Как и тот факт, что мадам Таблье все еще была

в переднике, как всегда готовая к любым очистительным действиям, которые могут потребоваться.

Рация Ричарда снова ожила.

— Лионель Марго уже приехала? — тон Валери был серьезен, и она говорила медленно, чтобы точно не возникло недопонимания.

— Да, — ответил Ричард столь же ровно. — Лионель Марго благополучно прибыла. Прием.

Он четко артикулировал все слова, придавая каждому чопорный акцент диктора «Би-би-си» пятидесятых годов.

— Почему ты так разговариваешь, Ричард?

Несколько секунд спустя Валери возникла в дверях замка, прямо за спиной Ричарда, с озадаченным, слегка угрюмым выражением лица, позолоченного лучами восходящего солнца.

— Я... э-э-э...

Ричард сглотнул, с трудом отрывая от девушки взгляд.

— Как ты сюда попала? — спросил он, изо всех сил стараясь взять себя в руки, но попытка с треском провалилась, поскольку он все еще продолжал говорить в рацию.

Валери не стала вдаваться в объяснения. Она пожала плечами самым французским образом, словно вопрос не имел никакого отношения к делу. Она опустила неизменные солнцезащитные очки и приподняла голову, подставляясь солнцу. На Валери был бежевый твидовый костюм-двойка, с мешковатыми брюками, застегнутым на одну пуговицу жилетом. В тон черной водолазке на голове Валери красовался черный берет, идеально завершая образ. Ричард понятия не имел, подходило ли то, что он теперь именовал «шик Ренессанса», для обеспечения

безопасности на съемочной площадке, — впрочем, как и его собственные познания в данной области, — однако сногшибательное появление а-ля Марлен Дитрих точно вышло на ура, не переплюнуть.

— Моя дорогая тетушка, — произнесла Лионель, расстегивая молнию на куртке и обращаясь к Валери, — вы понимаете, что я могла бы запретить вам появляться на площадке в таком виде? Вы затмеваете прекрасную, роскошную звезду!

Ее чувство юмора было теплым, искренним, не имеющим ничего общего с репутацией актрисы, которую СМИ называли холодной и неприступной.

— О, это всего лишь рабочая одежда, знаете ли, — ответила Валери, и ее ложная скромность повисла в воздухе, словно туман над виноградными лозами.

— И моя, — хохотнула мадам Таблье. — А теперь, если не возражаете, а вы обычно не возражаете, я вернусь и займусь уборкой.

— Могли бы вы, пожалуйста, покормить Паспарту? — взволнованно попросила Валери. — Я утром оставила его досыпать.

— Думаю, могла бы. Что он в последнее время ест? Filet mignon?*

Валери либо пропустила вопрос мимо ушей, либо решила, что ответ очевиден — «да».

— И, если можно, выведите его на небольшую прогулку. Благодарю, мадам.

Из всех видений и образов, мелькавших в голове Ричарда тем утром, картина с мадам Таблье в кожаном костюме с Джонни Холлидеем, байкерском шлеме

* Филе миньон? (фр.)

и с избалованным чихуахуа на украшенном драгоценным камнями поводке была, пожалуй, самой захватывающей, но долго на ней задержаться Ричарду не позволили.

— Итак, Ричард, — обратилась к нему Валери, — я отведу Лионель в гримерную, а ты пригляди за площадкой.

— Есть, сэр! — И снова шутка прошла мимо Валери, хотя Ричард заметил мимолетную улыбку на губах Лионель. — А за чем, собственно, я приглядываю?

— За людьми, особенно высматривай незнакомцев. — Валери развернулась и повела Лионель к двери.

— Но для меня они все — незнакомцы! Что я должен делать? Просто бродить по площадке и со всеми знакомиться?

Все это Ричард говорил, обращаясь к спинам двух девушек, удалявшихся от него по коридору.

— Гениально, Ричард! — отозвалась Валери, не оборачиваясь. — Пусть все знают, что у тебя все под контролем.

От кого-то другого фраза прозвучала бы легкомысленно, но Валери д'Орсе и легкомысленность существовали в разных плоскостях. Ричард проследовал за девушками через главных вход, а они тем временем свернули налево, к гримерной и гардеробу. Ричард же отправился направо, через маленький вестибюль, в главную столовую замка, где сегодня снимали сцену. Он вошел осторожно. Профессионалы, тихо снующие туда-сюда, обустроивая помещение, напоминали пчел: стоял довольный гул, где каждый знал свою роль и справлялся с ней. Но сама картина, что предстала Ричарду, была для него такой знакомой и умиротворяющей, ведь он воображал все это с самого детства.

Ричард не был склонен к бурным перепадам эмоций, у него всегда все было ровно. По умолчанию его

главной настройкой стояло что-то вроде ворчливого удовлетворения, но если и находилось то, что гарантированно вызывало улыбку, пробуждало его внутреннего ребенка, так это картина, живописная сцена, развернувшаяся перед ним сейчас. Окна помещения задрапировали, из-за чего казалось, что наступил вечер. Освещение создавал огромный прожектор, который, как Ричард знал, назывался ключевым. Временами кто-то проходил прямо перед прожектором, и яркий луч вырисовывал силуэт, создавая образ, от которого у Ричарда на мгновение перехватывало дыхание. Именно такой образ Ричард обожал в книгах, которые собирал в детстве, о Голливуде тридцатых годов. Он обещал так много, таил в себе столько романтики, интриги, очарования, и Ричард увидел его ровно таким, как на страницах тех старых книг, черно-белым. Ричард осторожно опустился на стоявший поблизости складной стул, не в силах оторвать глаз от удивительного зрелища, словно ждал этого всю жизнь, и полностью погрузился в момент, снова став мальчишкой.

— О-о-о, расселся уже. А некоторым еще работать.

Каким бы ярким ни было видение, перед ледяным взором мадам Таблье ему не устоять.

— Я думал, вы вернулись, — прошептал Ричард, не глядя на мадам.

— Не беспокойтесь, уже уезжаю. Забыла вам кое-что передать, вы оставили на столе, на котором должны были прибраться.

Мадам Таблье сунула листок бумаги Ричарду прямо под нос, чтобы он уж точно увидел.

Это был список актеров и съемочной группы, который Ричард составил накануне вечером, используя недавно купленные справочники и кое-что из собственных

познаний и очень старательно, можно даже сказать, упрямо избегая своего заклятого онлайн-врага, разрушителя карьеры историка кино, сайта IMDb.com*.

— Ах да, спасибо, — поблагодарил Ричард, забирая лист, но все так же не поднимая глаз и сохраняя на лице выражение изумления и детской невинности.

— Что-то пронюхали? — спросила мадам Таблье, и где-то там, под твердой оболочкой ее личности, мелькнула нотка искреннего беспокойства.

Внимание Ричарда, однако, было сосредоточено совсем на другом, и потому мадам фыркнула и отправилась на выход. В процессе она налетела прямо на огромного мужчину и буквально отскочила от его твердого, как скала, тела. Мадам удержала равновесие, положив руку Ричарду на плечо и быстро затем ее убрав, но в конце концов отвлекла его от созерцания съемочной площадки.

Ричард поднял взгляд и увидел великана, который возвышался над мадам Таблье. Ростом более ста восьмидесяти сантиметров, сложенного, как небольшой горный хребет, одетого в шорты, рабочие ботинки, обтягивающую футболку и пояс с инструментами, свободно свисающий с внушительного живота. Что еще было в этом великане примечательного, так это густая шевелюра. Длинные седые волосы, зачесанные назад, в какой-то момент — примерно там, где виднелись дужки очков, как догадывался Ричард, — переходили в не менее длинную бороду. Великан был похож на стареющего льва. Ричард глянул на свой список: Алэн Пети, главный осветитель, рабочий-постановщик, местный мастер на все

* Сайт с крупнейшей в мире базой данных о кинематографе.

руки, которого иронично, если учесть гриву, прозвали Le Loup, то есть Волк.

— Кусачки, — прорычал он, глядя сверху вниз на мадам Таблье.

— А что они? — прорычала та в ответ, чем слегка застала его врасплох.

— Где они? — решил держать удар великан.

— А мне почему знать?

А вот Ричард знал, что здесь есть лишь один победитель.

— Ну, — Пети неотвратимо колебался, — здесь что-то положишь, а оно берет и исчезает!

Мадам Таблье смерила Пети взглядом с головы до ног и обратно, что с легкостью могло привести к боли в шее, от которой как раз страдал Ричард, а затем, видимо приняв решение, проговорила:

— У меня в ящике с инструментами есть запасные. Пойдемте.

И Алэн Волк Пети — самопровозглашенный крутой парень мира кино, который однажды нокаутировал Берта Рейнольдса за то, что звезда проявил неуважение к кому-то из его техников, — даже в некотором роде кротко сделал, как ему было велено.

Ричард вновь повернулся к съемочной площадке. Два его мира слились в один: образ старого Голливуда воссоздался в тихом уголке сельской Франции. В танце теней сокращенная команда тихо и профессионально продолжала выполнять задачи, каждый — свою. Ричард потряс головой, стараясь сосредоточиться, и решил, что это отличная возможность сопоставить имена и лица. Он открыл список актеров и съемочной группы. Некоторые сразу же оказались очевидны. Например, оператором был

Брайан Грейс, худощавый мужчина лет шестидесяти, с пышной седой шевелюрой, одетый во все джинсовое, но с ярким шелковым платком, свободно повязанным вокруг шеи, что делало его похожим на француза. Хотя Ричард знал, что на самом деле Грейс австралиец и трижды лауреат премии «Оскар». Он стоял за большой камерой, к которой время от времени наклонялся, и беседовал с высокой женщиной. На шее у нее висели наушники, длинные темные волосы свободно ниспадали на плечи и жилет с десятками карманов, набитых инструментами и мотками скотча. Это была Стелла Гонсалес, звукорежиссер, испанка, еще одна многократная обладательница премии «Оскар». У фильма, должно быть, немалый бюджет, если могут себе позволить такие таланты, подумал Ричард, но он знал, что они перебрались сюда из Парижа лишь костяком команды, для съемок некоторых сцен.

В углу стоял еще один мужчина, лет шестидесяти, замученный и в сшитом на заказ костюме, который будто выпадал из обстановки. Он вытирал вспотевший лоб, зачесанные назад редующие волосы сияли у корней седой — черную краску на них пора было обновить. Закончив со лбом, он протер той же салфеткой очки в толстой оправе. А еще он пожевывал большую незажженную сигару. Если нужно описать стереотипичного нервного, страдающего язвой голливудского продюсера, то Бен-Гур Фридман был именно таким. Названный в честь классического фильма, он входил в элиту Голливуда и приходился внуком легендарному продюсеру Айзеку Фридману, одному из отцов-основателей золотого века кино.

Рядом с Фридманом стояла не менее замученная, элегантно одетая женщина, которая тревожно потирала руки и, судя по всему, пыталась объяснить продюсеру то, чего

он не хотел слышать. Ричард не был уверен, но подозревал, что это доктор Аморетт Артур, в прошлом историк телевидения, а ныне консультант, постоянно проживающая в Валансе; она была явно чем-то недовольна.

На складном стуле позади этих двух сидела серьезного вида женщина, в бейсболке и тоже в очках, державшая, как предположил Ричард, сценарий в одной руке и карандаш — в другой. Ричард знал, что это Саша Визард-Гай, принадлежащая к череде великих европейских режиссеров нового поколения. Ее давно чествовал Голливуд, а она все сопротивлялась, упрямо цепляясь за малобюджетные артхаусные постановки. Неулыбчивая женщина представляла собой полную противоположность молодому человеку, который стоял рядом с ней и тоже указывал на сценарий. Парень выглядел почти таким же взволнованным, как Ричард, сгустком энергии. Должно быть, помощник режиссера, заключил Ричард и просмотрел список имен: Сэмюэл Фридман, предположительно, родственник продюсера. Время от времени оба поднимали взгляд и кивали на огромный обеденный стол посреди зала, главную тему следующей сцены.

Спокойствие съемочной площадки нарушил Наполеон собственной персоной, который, приближаясь по коридору, громко кричал и ругал подчиненных с очень не наполеоновским американским акцентом. Когда-то имя Рида Тернбулла в титрах автоматически означало, что кассовые сборы взлетят до небес: герой боевиков и мелодрам, секс-символ и настоящий мужчина, он по-прежнему оставался большой звездой, мировой звездой — и, очевидно, любил, чтобы об этом помнили все вокруг. А еще обладал, как это называли, сложным

характером и был явно полон решимости оправдать репутацию.

— Если он был таким охренеть могущественным, то почему одевался как дамочка? Это вот не штаны, это чулки!

Что-то грохнулось на пол, но никто ничего не заметил или не обратил внимания.

— Да я вообще в этой сцене сижу. Черт подери, мне обязательно это надевать? Ты, да-да, ты, иди спроси у леди режиссера, обязательно ли мне это надевать.

Единственным, кто обращал на это внимание, был Доминик Бердетт, который забрел сюда из садов и теперь сидел за обеденным столом с выражением отеческого стыда на лице. Ричард знал, что именно так выглядел бы его персонаж Талейран, если бы истерику закатывал сам Наполеон. Над Бердеттом стоял французский актер Жильбертин, молодой и привлекательный, но не отличающийся тонкой костью, а, скорее, коренастый и оттого идеально подходящий на роль знаменитого Мари-Антуана Карема, изобретателя профитролей, если Ричард ничего не перепутал, и личного повара Талейрана в замке Валансе.

Остался всего один человек, и она, торопливо появившись, села напротив Бердетта, взяла очки так, будто это увеличительное стекло, и принялась изучать сценарий. Она выглядела взвинченной, более взвинченной, чем можно было ожидать от актрисы с ее опытом и талантом, однако сейчас Дженнифер Дэвис стремилась вернуть былую славу. Получивший широкую огласку нервный срыв и развод, реабилитационные центры и пагубные интервью о жестоком обращении с актрисами «определенного возраста» нанесли некогда звездной

карьере большой ущерб. Дженнифер Дэвис играла Летицию Бонапарт, мать Наполеона, хотя они с Ридом Тернбуллом были ровесниками и сделали себе имя на ролях влюбленных подростков в хитовом фильме восьмидесятых годов.

— Привет, мать! — безжалостно ухмыльнулся Рид Тернбулл, появившись на площадке. Скорее, даже оскалился, и Ричард даже подумал, что сейчас бедная женщина совсем упадет духом, ведь и без того сидела как на иголках.

Она подняла взгляд, делано изучила Тернбулла сквозь очки.

— Ох, Рид, я все еще думаю, что для роли великого императора ты не подходишь по росту!

Тернбулл выпятил грудь.

— Наполеон был куда выше, — припечатала Дженнифер.

Лицо Тернбулла побагровело, и он стремительно удалился.

— Где мой стул?! — заорал он. — Где мой долбаный стул?!

Ричард огляделся, пытаясь предугадать, на кого же теперь падет гнев звезды. Затем с растущим смущением и обреченностью Ричард понял, что это он сам. Он сидел на стуле Рида Тернбулла.

— Какого черта ты здесь расселся, на моем месте?! — завопил Тернбулл. — Только потому, что вы, французы, платите за часть картины, значит, чё, можете творить чё хотите, да?!

Ричарду казалось странным слышать подобное из уст Наполеона, но Тернбулл еще не закончил и понимал, что наконец завладел безраздельным вниманием всей площадки.

— Меня уже задолбало неуважение, которое ко мне повсюду проявляют на этих съемках! Фридман! — крикнул он не оборачиваясь. — Фридман, я хочу, чтобы этого парня вышвырнули вон, и мне плевать, даже если он гребаный президент, слышишь?

На площадке воцарилась тишина, напряжение стало невыносимым, и в этот момент с треском ожила рация Ричарда.

— Ричард, — голос Валери невольно разнесся по всему залу, — постарайся с актерами поосторожнее, пожалуйста. Они, кажется, довольно темпераментны. Справишься?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Мистер Эйнсворт, верно? — продюсер Бен-Гур Фридман мягко взял Ричарда за локоть и повел прочь от лавового потока гнева Рида Тернбулла. — Секьюрити, да? Есть для вас задание.

Ричард позволил себя увести, стараясь держать такую же ровную мину, какую мог бы держать сотрудник службы безопасности, столкнувшись лицом к лицу с маленьким человеком с комплексом Наполеона в костюме Наполеона. А еще стараясь скрыть позорный стыд оттого, что умудрился расстроить всемирно известного Рида Тернбулла.

— Меня зовут Бен, я продюсер.

Ричарду понравилось, как он произнес слово «продюсер» и что он тоже выглядел затравленным, а эти чувства Ричард решительно разделял, и потому ему мгновенно полегчало.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

